

Н.Г. Долинина

7. Или с природой оживленной Сближаем дуמוю смущенной Мы увяданье наших лет, Которым возрожденья нет?

...Я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен... —

так пишет Пушкин в стихотворении «Осень». В «Евгении Онегине» он подробно и грустно объясняет, почему не любит весну.

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга...

Когда смотришь на картины, написанные великими мастерами, не только видишь то, что изобразил художник, но и кажется тебе, что слышишь: вздохи отца над вернувшимся блудным сыном у Рембрандта; грубый хохот рубенсовских героев; шелест травы на полотнах Моне и Левитана...

Когда читаешь пушкинские пейзажи, не просто представляешь их себе, но видишь, как бегут ручьи с холмов, как «еще прозрачные, леса как будто пухом зеленеют...»

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Сквозь сон улыбаясь, просыпаются дети — вот и весенняя природа кажется ему ребенком, весело начинающим жить... И читатель настраивается на умиленно-восторженное восприятие весны, обновленной жизни... И кажется — улеглись зимние бури, сошел снег, повеяло теплом — и растворятся горести, забудутся несчастья... Но во второй строфе Пушкин сразу снимает наше умиление:

Как грустно мне твоё явление,
Весна, весна! пора любви!

Почему же грустно? Любить весну, радоваться ей свойственно человеческой природе, а тут вдруг — грустно!

С каким тяжелым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны...

Пушкин, написавший эти строки, уже не тот, который весело, легко, задорно беседовал с нами на страницах первой главы. Прошло пять лет — и каких лет! «Беспечный, влюбчивый», двадцатичетырехлетний, писал он «строфы первые» в южной ссылке, не очень серьезно огорчаясь тем, что сослан, непобедимо веря, как и всякий очень молодой человек, что жизнь впереди — долгая и светлая. А жизнь не радовала. Одна ссылка сменилась другой; родной отец согласился следить за сыном; потянулись одинокие месяцы в Михайловском: зимние вечера при свечах в холодном, неудобном доме, и ни огонька кругом, и волки воют под самыми окнами, и только с няней можно перемолвиться добрым словом, и неизвестно, сколько лет еще сидеть здесь взаперти... Но в одиноком этом доме он писал:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

...

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

И еще:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Он сохранил бодрость и мужество, остался верен своим друзьям и своей молодости.

А мысли у него были невеселые: мы знаем это из стихов Михайловского периода. Нечему было радоваться: что-то непонятное и страшное нависало над Россией, над Родиной — Пушкин, историк и философ, не мог этого не чувствовать. Друзья, братья: Пущин, Кюхельбекер, другие лицейские товарищи — шли на опасность, может быть, на гибель. От Пушкина скрывали существование тайного общества, но он чувствовал надвигающуюся грозу. Она разразилась, когда он работал над четвертой главой «Онегина». Мучительная неизвестность — что в Петербурге? Потом — письмо Жуковского о следствии по делу декабристов, о стихах Пушкина, найденных чуть ли не у каждого из подсудимых; известие о казни одних друзей, о ссылке на каторгу других; вызов в Москву и встреча с царем...

Его везли в Москву «свободно, не в виде арестанта» (так было сказано в приказе), но в сопровождении фельдъегеря, и оставшаяся в Михайловском няня не знала, куда и зачем его повезли, металась в отчаянии.

Разговор Пушкина с Николаем I широко известен. «Что сделали бы вы, если бы четырнадцатого декабря были в Петербурге?» — спросил царь. «Стал бы в ряды мятежников», — ответил поэт.

Он был гражданином, этот легкий и веселый человек. Шесть лет назад брат императора Николая Александр I отправил Пушкина в ссылку за то, что он «наводнил всю Россию возмутительными стихами». Слово «возмутительный» употреблялось тогда в ином значении, чем теперь: призывающий к возмущению, к мятежу. Тогда он написал оду «Вольность», и послание к Чаадаеву, и «Деревню»; он показывал знакомым в театре портрет Лувеля, убившего родственника французского короля, с надписью: «Урок царям» — но тогда он еще верил в конституционную монархию. В «Вольности» он прославлял Закон, которому должны подчиниться и цари, и народы; в «Деревне» надеялся увидеть «рабство, падшее по манию царя».

За шесть лет он многое узнал, и передумал, и понял. В Михайловском он читал бесконечно, требовал от брата еще и еще книг; изучал «Историю государства Российского» Карамзина, думал над опытом русской истории. Незадолго до декабрьского восстания он кончил «Бориса Годунова» — трагедию, в которой главным героем стал народ.

Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых, —

говорил царь Борис в его трагедии.

Александр Пушкин в 1825 году понял то, чего не могли понять люди XVII века, герои его трагедии: всякая царская власть ненавистна народу. Трагедия кончается сценой возведения на престол Самозванца, которого народ поддерживал, пока он воевал против царя Бориса. Бояре обращаются к народу: «Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!» Народ *безмолвствует*. Сначала Пушкин хотел кончить трагедию иначе: запуганный боярами народ кричит то, что от него требуют. Потом изменил концовку: в безмолвии народа он услышал ненависть и силу.

Гаврила Пушкин, предок Александра, воюющий на стороне Самозванца, говорит в трагедии такие слова:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
 Не войском, нет, не польскою помощью,
 А мнением; да! мнением народным.

Мы не можем знать, о чем думал Пушкин, работая над своей трагедией осенью 1825 года, но мы знаем: он понимал, что всякая попытка захватить и сохранить власть без поддержки народа обречена на неудачу. «Сто прапорщиков не могут изменить государственный строй России», – сказал Грибоедов. Пушкин тоже пришел к этой мысли. И все-таки ответил на вопрос царя: «Стал бы в ряды мятежников».

Не мальчиком, не юношей — взрослым человеком разговаривал он с царем. Знал, какие последствия может иметь его ответ. И — сказал то, что думал. Не хотел и не мог иначе.

Зачем ему было рисковать собой, ведь друзьям от этого не стало легче? Может, благоразумнее было промолчать или сказать царю что-нибудь более для него приемлемое? Что бы от этого изменилось?

Изменилось бы то, что это был бы ответ другого человека, не Пушкина. Пушкин не мог ответить иначе, таков он был — и, написав Николаю I стихи, он поставил ему в пример Петра I и посоветовал:

Во всем будь пращуру подобен;
 Как он, неутомим и тверд.
 И памятью, как он, незлобен.

Царь не внял его советам. Он сам знал, как ему править Россией. Герцен писал об этом времени:

«Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений...»

Но и этой песне подрезали крылья: в Ленинграде, в Институте литературы, который чаще называется Пушкинским домом, хранится рукопись «Медного всадника», исчерканная красным карандашом царя, — «Медный всадник» не был напечатан при жизни автора. После его смерти Жуковский нашел у него в столе много стихов, о существовании которых даже самые близкие люди не знали. Десятую главу «Онегина» Пушкину пришлось сжечь — хранить ее было опасно.

Молодость не вернешь — он это знал. Вспоминать о ней было тяжело: слишком многие люди приходили на память — те, о ком он позже скажет: «Иных уж нет, а те далече...» Но идеалам своей юности он остался верен — одинокий, измученный человек.

Не случайно годы 1826–1830 биографы Пушкина называют годами странствий: он места себе не находил, тоскливо было ему жить — и преодолеть тягостные мысли было не так-то просто. Шестую главу «Онегина» он кончил в середине 1826 года и, хотя обещал читателям вернуться к своему герою, не возвращался к нему долго — трудное было время. Вот почему так грустно начинается седьмая глава; горькие мысли приходили ему на ум, когда он видел просыпающуюся весну:

Или с природой оживленной
 Сближаем дуною смущенной
 Мы увяданье наших лет,
 Которым возрожденья нет?
 Быть может, в мысли нам приходит
 Средь поэтического сна
 Иная, старая весна...

Что же случилось с героями романа? Онегина нет — и где он, неизвестно. Ленский похоронен, на могилу его еще недавно «ходили две подружки... но ныне... памятник унылый забыт». Ольга вышла замуж. Пушкин рассказывает о ее судьбе неуважительно, насмешливо. Избранник Ольги не имеет никаких человеческих качеств: он «улан» — и только! От этого дважды повторенного чина («улан умел ее пленить, улан любим ее

душою») пошлостью веет. Восторженный Ленский или бравый, вполне земной офицер — не все ли ей равно, в конце концов...

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой...
...

Так! равнодушное забвенье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

Татьяна бы не забыла Онегина. Татьяна могла выйти замуж, быть хорошей женой и даже полюбить другого человека, но у Татьяны все было бы настоящее: и горе, и радость, и любовь. А у Ольги — другая мораль, чем у Татьяны: ей, выходит, и правда, легче жить, чем сестре: вот — поплакала, утешилась, вышла замуж, уехала с мужем в полк, опять поплакала, расставаясь с матерью и сестрой...

Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо...

У Ольги впереди — ровный и легкий путь без особых страстей и страданий. У Татьяны — и слезы, и горе, и неизвестность. Трудно, да и незачем доказывать, что ей живется на свете лучше, чем Ольге. Но — мы уже говорили об этом — что значит: лучше? Для одних людей путь Ольги бесспорно привлекательней, для других — все равно, все равно — путь Татьяны, как бы ни был он горек.

И вот она, одна Татьяна!
...
И облегченья не находит
Она подавленным слезам,
И сердце рвется пополам.

Боль и тоска по Онегину еще осложняются тем, что

Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего...

Для Ольги этих высоких моральных категорий не существует. Она живет по тем же привычным законам, что все люди вокруг: Зарецкий, Буянов, Пустяковы... Онегин убил Ленского не из-за угла, а на дуэли, в честном бою — такова уж судьба, что же Ольге ненавидеть Евгения? У Татьяны же, сверх общепринятой морали, есть еще та необходимая каждому человеку личная мораль, которая не позволяет ей забыть, простить...

Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому,
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят... На что грустить?

Два сердца! Два: Татьяны и Онегина. Потому что они двое и лучше, и чище, и глубже остальных людей. Белинский говорил об Онегине, что «он не был ни холоден, ни сух, ни черств, что в душе его жила поэзия и что вообще он не был из числа обыкновенных, дюжинных людей». Он и Татьяна могли быть счастливы вместе. Но они не понимали ни друг друга, ни даже самих себя. Только теперь, когда Онегин далеко, Татьяна может, наконец, хоть немного узнать человека, которого она полюбила навсегда.

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий...

Мы читаем это — такое поэтическое — описание летнего вечера, и нам в голову не может прийти, что именно оно вызвало нападки на Пушкина: что это за предмет для поэзии — жук! Какую красоту можно найти в рыбачьем костре! «Все это — низкая природа; изящного не много тут», — эти слова Пушкину приходилось выслушивать не раз. Современники обвиняли его в грубости, в бедности воображения. По поводу седьмой главы было особенно много насмешек, толков, пересудов. Говорили — и даже в критических статьях рассуждали — о том, что Пушкин «исписался», что талант его иссяк...

Баратынский, тот самый поэт, к которому Пушкин обращался с просьбой помочь ему «переложить» письмо Татьяны «на волшебные напевы», так писал Пушкину:

«Я очень люблю обширный план твоего “Онегина”, но большее число его не понимают... Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла».

А сам Пушкин говорил:

«Поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».

Даже многие друзья не понимали того, что сделал Пушкин для русской литературы. А он все шел своим путем, пока не поднялись новые друзья, ученики: Гоголь, позднее — Лермонтов, а за ним все те, кого мы сегодня называем классиками...

Летним вечером, бродя по окрестным лесам, Татьяна случайно заходит в поместье Онегина. Какая проза, казалось бы, окружает влюбленную девушку в этот возвышенный момент ее жизни:

К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов.. .

Но для Татьяны — а за ней и для Пушкина, за ним и для читателя все, что связано с Онегиным, окружено поэзией. Она на всю жизнь запомнит этот вечер: и собак, и мальчишек, и жука, и рыбачий костер... Прекрасное — вокруг нас; прекрасны не вымыслы, мечты романтиков, а сама жизнь «со всем холодом, со всею прозою и пошлостью», — такую именно жизнь, по словам Белинского, Пушкин описал в своем романе. И в этой будничной, простой жизни нашел красоту... Только теперь, войдя в опустелый дом Онегина, Татьяна начинает хоть по предметам, окружавшим Евгения, знакомиться с его бытом:

Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канapé лежал
Манежный хлыстик...

Из рассказа старой Анисьи Татьяна узнает те подробности жизни Онегина, которые уже знакомы читателю:

«... А вот камин;
Здесь барин сиживал один.
Здесь с ним обеживал зимою
Покойный Ленский, наш сосед».

Пушкин передает народную речь очень экономно: всего два слова в непривычном виде: сиживал, обеживал — и мы видим старую крестьянку с ее неторопливой певучей речью. В кратком рассказе Анисьи — вся деревенская жизнь Онегина: «Здесь почивал он, кофей кушал, приказчика доклады слушал и книжку поутру читал...»

Влюбленной Татьяне, попавшей в дом Онегина, «все здесь кажется бесценным». Кабинет Евгения — совершенно такой, как десятки кабинетов модных молодых людей начала XIX века, но Татьяна впервые оказалась «в келье модной», и ее поражает все:

И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой, с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

А ведь в Онегине тоже живет романтик! Помните, еще в первой главе Пушкину нравилась его «мечтам невольная преданность»! И теперь мы видим в кабинете Евгения любимых героев романтической молодежи: Байрона и Наполеона. Пушкин тоже увлекался этими яркими личностями: в стихотворении «К морю», одном из последних своих романтических стихов, именно Байрона и Наполеона вспоминает он, прощаясь с морем. Но Пушкин преодолел и эту разновидность романтизма — эгоистическую, как и восторженную мечтательность Кюхли или Ленского; Пушкин пришел к трезвому и доброму взгляду на мир и людей. А для Онегина — такого, каким он жил в опустевшем теперь кабинете, — люди все еще делились на единиц и нулей, он все еще «глядел в Наполеоны».

Конечно, неопытной, хотя и чуткой Татьяне не понять всего этого сразу, с одного взгляда на кабинет Онегина. Перед ней только приоткрывается его жизнь. Но когда «через день... вновь явилась она в оставленную сень», когда погрузилась в книги Онегина, всмотрелась в его пометки на полях, — тогда Татьяна, впервые за мучительный год любви к Онегину, стала понемногу узнавать и понимать его.

... Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

Иной! Лучше или хуже, чем ее собственный, — это трудно определить сразу. Но, конечно, совсем другой, чем тот, в котором она жила до сих пор. Сказки и преданья, приметы, народные обычаи и «разговор благоразумный о сенокосе, о вине», сентиментальные романы с их дивными героями и жуткими злодеями — весь этот мир, знакомый Татьяне, вдруг рухнул. Поэмы и романы, найденные Татьяной в кабинете Онегина, были совсем не похожи на то, что она читала раньше. Здесь были книги,

В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Эта характеристика современного Пушкину умного, так называемого передового и очень несчастливого человека может быть применена и к Онегину. Очень важно понять, почему душу современного ему человека Пушкин называет безнравственной. Он говорит об этой душе, что она «себялюбивая, сухая, мечтанью преданная безмерно» — где же безнравственность? Все дело в том, что у Пушкина была та самая личная мораль, которой обладала Татьяна и которой не хватало Онегину. Пушкин старался не подчиняться удобной для всякой подлости и пошлости морали общества, в котором он жил. По его, пушкинской, морали себялюбие и душевная сухость — безнравственны. Потому что человек не для того живет на свете, чтобы любить одного себя. Потому что любить одного себя невозможно без того, чтобы ранить и убивать — пусть даже только духовно — других людей.

В седьмой главе Онегин не появится перед читателем ни разу. Но мы не забываем о нем ни на минуту: он живет в любви Татьяны, в ее памяти, в ее пристальном внимании к вещам и книгам любимого человека, к каждому знаку, в котором

... Онегина душа
Себя невольно выражает...

Трагедия, начавшаяся во время свидания в саду, углубленная смертью Ленского и отъездом Онегина, продолжается и теперь, когда его нет. «Получив посланье Тани, Онегин живо тронут был», но не мог преодолеть своего эгоизма, равнодушия, сухости и глухоты душевной... Он не сумел понять Татьяну и приблизиться к ней. Теперь Татьяна узнала Онегина — и тоже не сумела понять его. Мысли Татьяны о том, кого она полюбила, «по ком она вздыхать осуждена судьбою властной», — очень несправедливы, хоть во многом и верны:

Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес.

Татьяна не умеет мыслить иначе, чем научили ее сентиментальные романы. Человек, по ее мнению, может быть или прекрасным, или злым, ангелом или бесом, созданием ада или неба... А Пушкин знает, что добро и зло живут в одном и том же человеке; что один и тот же человек может быть прекрасным или отвратительным; что Онегин не демон и не святой; он человек, страдающий от своих ошибок и недостатков, одинокий, нуждающийся в любви и опоре...

Татьяне кажется, что книги Байрона и французских писателей, найденные ею в кабинете Онегина, вполне исчерпывают и растолковывают характер их владельца.

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

Это очень горькие раздумья. Неужели тоска, разочарование Онегина — действительно, только подражание байроновским героям, в особенности Чайльд Гарольду? Да, «преждевременная старость души» — тяжелый крест не одного Онегина, а многих молодых людей и в России, и в Западной Европе. Но разве страдания Онегина делаются от этого неискренними? Разве легче ему нести свое одиночество, равнодушие к радостям жизни, неудовлетворенность ее законами оттого, что эти же чувства испытывал Чайльд Гарольд?

Книги помогали Онегину понять самого себя, но не приносили облегчения. И, уж конечно, он не подражал их героям, не был пародией — он искал забвения или совета, как избавиться от своей беды...

Не может Татьяна, при всей тонкости ее души, понять всего этого. Ей недостает и жизненного опыта, и той культуры ума, которая позволила бы сделать правильные выводы из пометок Онегина на полях книг. Вот она и останавливается на горькой мысли: «Евгений — чужих причуд истолкованье... пародия».

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно...

Да, не просто быть думающим, чувствующим, душевно богатым человеком. Ольга, например, отродясь бы не стала терзаться вопросами о том, что собой представляет ее избранник. Нравится — полюбила, не нравится — разлюбила.

А Татьяне не нравится Онегин — такой, каким она его узнала вот здесь, в книгах. Но разлюбить его она уже не может, потому что, полюбив раз и навсегда, несет за него ответственность в своем сердце. Тем и отличается ведь настоящая любовь, что отвечаешь за того, кого любишь, — и никуда от этой ответственности не денешься.

Может, если бы Татьяна могла дольше побыть наедине с самой собой в доме Онегина, глубоко погрузиться в его мир, — она бы больше поняла. Но именно в этот самый момент глубокомысленные соседи решают, что ей пора замуж, и советуют старушке Лариной везти ее

В Москву, на ярманку невест!
Там, слышно, много праздных мест.

Они даже добрые, эти соседи: предлагают матери Татьяны займы, беспокоятся, как бы девушка не осталась незамужней... Только доброта их — на свой манер: не понимают они другого счастья, кроме своего. Бедная, бескрылая доброта бедного, бескрылого мира. Но мир этот властвует над Татьяной, он постановил: ехать в Москву.

И Таня слышит новость эту.
На суд взыскательному свету
Представить ясные черты
Провинциальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый склад речей;
Московских франтов и Цирцей
Привлечь насмешливые взгляды!..
О страх!

Принято считать, что молодость — самый легкий, беззаботный, свободный возраст. А ведь это не так. Очень много трудностей стоит перед человеком в юные годы: все еще неясно в жизни, и мучают бесчисленные вопросы: как сложится моя жизнь, кем я буду, найду ли свою любовь, свое счастье? Страшно за свое будущее; страшно быть не таким, как окружающие люди, а особенно — провинциальным, запоздалым, недостаточно модным... Всех этих мучений не избежала и Татьяна.

Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя? —

спрашивает она себя, и не находит ответа, и боится ехать в Москву, и жалко ей расстаться «с своими рощами, лугами», но в то же время и манит неизвестность, как всякого молодого человека: может, там, вдали, — счастье?

Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...

Всего три строчки сказал Пушкин о своей любимой осени — а как по-новому, неожиданно и прекрасно, встает она перед читателем: «природа трепетна, бледна» — тут и светлое осеннее небо, и дрожащие листья, и вой ветра, грозный, предвещающий недоброе...

В пятой главе Пушкин не хотел соперничать с описавшим русскую зиму Вяземским. Здесь, в седьмой главе, он в восьми строках рисует зиму — и она именно русская:

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов...

Слышите посвист и вой ветра, сыплющего снег, — преобладают звуки п-с-в... Это — начало зимы. А вот она уже утвердилась:

Брега с недвижною рекою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.

Не радо потому, что обрывается привычная, милая жизнь, когда можно в любую минуту выскочить на крыльцо «морозной пылью подышать», когда полагается «первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь», — эта жизнь уходит, а что впереди?

Описание отъезда Лариных, разумеется, было воспринято многими современными Пушкину критиками как непристойное нарушение поэтических норм. Но мы уже знаем, что Пушкин не боялся критиков.

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera.
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч...

Если бы таким образом описывался выезд старой помещицы Лариной, над которой автор смеется, — тогда критики ничего не могли бы возразить. Но, кроме старушки Лариной, на «осьмнадцати клячах», с кастрюльками, горшками и тазами отправляется в Москву героиня романа, прекрасная возвышенная девушка, да еще влюбленная, да еще несчастная, — этого не только враги Пушкина, но и многие друзья не могли ни понять, ни принять. Как — на фоне бранящихся баб, бородатого форейтора, прощающей с барами челяди — героиня произносит романтическую речь:

«Простите, мирные места!
Прости, уют уединенный!
Увижу ль вас?..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

Голос автора, такой веселый в первых главах, теперь звучит грустно. Российские дороги, немало измучившие поэта, не меняются со времени Соловья-разбойника, и — так думает Пушкин — если изменятся, то «лет через пятьсот». Тогда наступит блаженство:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

Это не насмешка — про трактир, это стон человека, много ездившего по стране, где

Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит.

Мне всегда страшно и больно думать, что такому человеку, как Пушкин, столько приходилось терпеть простых земных неудобств: писал он своего «Онегина» при жалкой свечке, умывался из ковшика, ездил в неудобных повозках, тащили его полудохлые клячи, медленно нестерпимо — да еще ругань станционных смотрителей, да еще перекусить нигде: «трактиров нет»... А у нас все есть, только работать так, как Пушкин, мы не умеем.

И все-таки, несмотря на грустный жизненный опыт, на потери и беды, на крайнюю неопределенность в будущем, все-таки Пушкин не расстается с милым своим юмором, с веселой насмешкой: «сельские циклопы» (он имеет в виду кузнецов) у него благословляют «колеи и рвы отеческой земли», поскольку им достается немалый заработок при починке непрерывно ломающихся колясок и карет; зимняя дорога у него гладка, «как стих без мысли, в песне модной». И только над бедной Татьяной он не смеется, а сочувствует ей:

...наша дева насладились
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

И тут же делится с читателем своей радостью — так ему было одиноко в Михайловском, и вот, наконец, увидел он Москву:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

И после интимного, чуть насмешливого тона — торжественные строки о Москве:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Пушкин умел отделять парадный, казенный патриотизм царских манифестов и светских раутов от того народного патриотизма, который живет в душе каждого честного человека и который через полвека воплотил Толстой в «Войне и мире». И кто знает — не выросла ли поразительная сцена, когда Наполеон ждет депутацию бояр с ключами от города, из коротких пушкинских строк:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою ..

Москва пушкинской эпохи — торговый город, обиталище старого российского барства, «ярманка невест» — описана с исчерпывающей полнотой: в девяти строчках Пушкин только перечисляет то, что видит Татьяна из окна возка: «будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри» и т. д. В этом списке — все противоречия большого города: рядом оказываются дворцы — и лачужки, купцы — и монастыри, аптеки — и магазины моды... Но «бульвары, башни, казаки» — все это героиня Пушкина видит из окна. А тот мир, в котором ей предстоит жить, напоминает знакомое окружение — Петушковых, Гвоздиных и прочих...

Мы еще не говорили об эпиграфах к седьмой главе. Их три, и все они обращают наше внимание на Москву. Татьяна приедет в этот город только к концу главы, — до этого произойдут многие важные события: известие о замужестве Ольги; знакомство Татьяны с книгами Онегина, а следовательно, и с его внутренним миром; прощанье Татьяны с вольной деревенской жизнью...

Все это очень важно. Но самое главное в седьмой главе — все-таки московская жизнь. В пушкинском плане седьмая песнь называется «Москва». Три эпитафия, каждый по-своему, раскрывают отношение Пушкина к старинному русскому городу.

Москва, России дочь любима.
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Это — серьезный и восторженный отзыв поэта о городе, перед которым можно и нужно преклоняться, имя которого напоминает героические страницы русской истории.

Второй эпитафия: «Как не любить родной Москвы?» — Баратынский. Можно принять его всерьез, если помнить предыдущий эпитафия из Дмитриева. Но можно понимать его и как переход к следующему, явно издевательскому эпитафию из Грибоедова: «Гоненье на Москву! что значит видеть свет! Где ж лучше? Где нас нет».

В сознании Пушкина живут две Москвы: величественная, народная, героическая — и барская грибоедовская Москва, над которой он смеется.

Быт московского барства хорошо знаком Пушкину. Эти старые полуживые княжны, «простертые на диванах» и живущие событиями полувековой давности; их престарелые слуги, вяжущие чулки в передних, чтобы хоть как-то заполнить тупое свое безделье; эти жеманные восклицания на «смешенье языков: французского с нижегородским» — все это Пушкин помнит с детства.

Но Пушкин не только подсмеивается над московской престарелой барышней — теткой Татьяны — он еще и жалеет ее. Весь век свой прожить вот так — воспоминаниями о бывшем Грандисоне, который теперь сына женил; весь век свой ничего не знать, кроме сплетен, ничего не уметь — только кокетничать в молодости да сватать в старости — ведь это жалкая жизнь!

Здесь, в этом новом для Татьяны мире московского барства, люди тоже не злые, а скорее даже приветливые, славные — пока каждый из них существует сам по себе. Вот тетюшка Татьяны вспоминает возлюбленного своей молодости, жалуется на болезную одинокую старость. Вот родственницы ласково встречают Татьяну и твердят то, что во все эпохи повторяют взрослые, видя выросших детей:

«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!»
...
И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»

Казалось бы, славные, простые люди. Но в пушкинской интонации начинают звучать и злость, и гнев:

Но в них не видно перемены;
Все в них на старый образец...
...
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж...

Это восприятие — не Татьяны, которая была маленькой девочкой, когда видела в последний раз своих родственников и не помнит их совсем. Это — восприятие Пушкина. Не так уж безобидны эти бабушки, такие милые по отношению к своей родне. Ведь именно они объявили безумным Чацкого, изгнали его из Москвы... Пушкин сознательно напоминает читателю «Горе от ума»: «Все тот же шпиц и тот же муж» — почти цитата из

комедии Грибоедова. О московском барстве Пушкин скажет очень мало — он только напомним, что есть пьеса, в которой описаны эти самые люди в эту самую эпоху...

Почему подучается, что человек, сам по себе и не вредный, а даже добрый, оказывается страшен, когда объединяется с подобными себе против чуждого ему нового, молодого движения? Ведь и Фамусов у Грибоедова не тиран, не деспот, а любящий отец, хлебосольный хозяин — а вот именно он оказывается во главе травли Чацкого!

Пушкин знает: «человек по природе своей добр» — так говорил великий французский просветитель Жан-Жак Руссо. Возможности, заложенные в каждом человеке, прекрасны, но как осуществить их в мире зла и лицемерия? Из любой Лукерьи Львовны мог бы выйти отличный человек, и даже — из Молчалина. Но условия жизни, среда, законы общества сформировали в этих людях качества отвратительные и заглушили добрые. И едва они оказываются все вместе, каждый из них перестает быть человеком, личностью, превращается в часть машины, именуемой обществом...

Сельские дворяне все-таки лучше. Они что-то понимают хоть в сенокосе, у них общие обычаи с народом, в их среде могла вырасти такая богатая и цельная личность, как Татьяна. А здесь, в Москве, «младые грации» все на одно лицо, все сначала находят Татьяну странной,

Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, важно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев....

Что ж, это все само по себе не так уж худо, если бы не одно, как будто вскользь брошенное Пушкиным замечание:

Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.

А главное, что же находит Татьяна в этом мире, представлявшемся ей таким ярким, умным, блестящим?

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор,
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно...
...
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

Читая эту строфу, я всегда вспоминаю человека гораздо старше Татьяны, и умней, и образованней ее, вот так же, с широко открытыми глазами вошедшего впервые в светскую гостиную — только петербургскую — и все мечтавшего услышать свежие слова, умные мысли... Это — Пьер Безухов. Ничего, конечно, общего нет — только одно: тяжко живому, светлой души человеку в этом мире бездушия!

Разумеется, Татьяна не могла понравиться людям, воплощающим этот мир. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят и про нее между собою неблагосклонно говорят», — можно себе представить, что это в большинстве своем за юноши, если «служить в архивах» Чацкому советовал Молчалин! Но Пушкин верен себе: и здесь, в московской гостиной, он посылает на помощь Татьяне своего друга:

У скучной тетки Таню встреть,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел...

Конечно, яркие, умные, добрые люди встречаются изредка и здесь. Но их немного, им тоже тоскливо... И не может Татьяна, привыкшая к свободной жизни и естественным человеческим отношениям, примириться с московской шумной и бестолковой жизнью, с показными чувствами, с миром, где

... кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет,

где

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... —

вот и все, чем живут люди.

Вероятно, Ольге было бы весело на московском бале. На нее, должно быть, обратились бы и «дам ревнивые лорнеты», и «трубки модных знатоков из лож и кресельных рядов». Ольга ведь и в деревне жила поверхностной жизнью, какая царствует в Москве. Но Татьяна знает иную жизнь: мечты, глубокие и сложные мысли, серьезные чувства, настоящие страдания и подлинные радости.

Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам...

...

И в сумрак липовых аллей,
Туда, где *он* являлся ей.

И вот в такую минуту, когда «мысль се далече бродит; забыт и свет и шумный бал», — в жизнь Татьяны входит то, что любая из присутствующих в зале женщин, молодых и старых, красивых и некрасивых, умных и глупых, назвала бы счастьем:

А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.

В либретто оперы «Евгений Онегин» генералу дана звонкая оперная фамилия Гремин, и он даже напрямую объясняет зрителю, как любит Татьяну и как она зажгла его жизнь. Ничего этого у Пушкина нет. О муже Татьяны мы узнаем мало — меньше, чем об Ольге, меньше даже, чем о Зарецком, — и это тоже явное нарушение существовавших до Пушкина литературных норм: как-никак, муж героини — значительное лицо, а ему не дается даже фамилии, даже возраста. Представление о муже Татьяны как о старом человеке тоже порождено оперой. Пушкин — здесь, в седьмой главе, — не дает никаких указаний на его возраст. Он вообще определяет генерала только двумя словами: «важный» — это восприятие тетюшек, и «толстый» — это восприятие Татьяны. Но толстым ведь может быть и не старый человек!

Более подробно мы вместе с Пушкиным будем говорить о супруге Татьяны в связи с восьмой главой. Сейчас нас волнует другое.

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою. . .
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, этическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкривь.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

Удивительно верен себе Пушкин! Вдруг в конце предпоследней главы он пишет — по всем правилам классицизма — вступление!